

Административно-хозяйственная политика Белого Северо-Западного правительства в Псковской губернии (1919 г.)

Формирование первых антибольшевистских военных сил на Северо-Западе России происходило в трудных военно-политических условиях, осложнённых напряжённой международно-правовой обстановкой в регионе. В 1918 г. политическая ситуация в Прибалтике и на Северо-Западе России продолжала оставаться сложной, т. к. в Латвии оставались германские войска, вызывавшие опасения у Антанты. Союзные государства, и в первую очередь Англия, покровительствовали самопровозглашённым прибалтийским государствам, относясь с большим подозрением как к Балтийскому ландесверу, так и к русским добровольческим формированиям. С весны Прибалтийский край, а также часть Псковской губернии были оккупированы германскими войсками. В соответствии с Брестским мирным договором германские войска контролировали территорию по линии реки Нарвы, Псковскому озеру, реке Великой с городами Псков, Остров, Двинск и далее по линии в направлении Минска. По этому же договору германские части должны были отойти к границам бывшей Лифляндской и Эстляндской губерний. В виду предстоящей эвакуации германское руководство разрешило образование на псковской территории Особого Добровольческого корпуса, которому была обещана денежная и материальная помощь снабжением и снаряжением.

Ещё в сентябре 1918 г. в Пскове при штабе 5-й запасной германской дивизии была создана так называемая русская комендантура. В неё прибывали как офицеры из занятых немцами областей, так и офицеры, переправившиеся через демаркационную линию из Советской России¹. С октября была организована агитация среди

местного населения с призывом вступать в белогвардейские отряды: распространялись листовки и прокламации. В одной из таких прокламаций, расклеенной в начале ноября, отмечалось: «Граждане Пскова, Острова, Режицы, Люцина, Двинска и других угрожаемых большевиками городов, сёл, деревень, пробудите в себе мужество смелых предков и, не задумываясь ни минуты, идите на вербовочные пункты, где уже началась запись добровольцев. До ухода германцев осталось немного времени... Не теряйте времени»². Так началось формирование Северного корпуса, ставшего в дальнейшем основой Северо-Западной Добровольческой армии. К 18 октября 1918 г. было решено, что корпус будет иметь три полка: один в Пскове, второй в Острове и третий в Режице. По условиям формирования добровольцы в Пскове подчинялись русскому военному командованию, восстанавливались воинские уставы старой армии. Для желающих служить устанавливались следующие оклады: рядовой — 90 руб., фельдфебель — 200 руб., офицер в зависимости от должности — от 600 до 1200 руб. За полгода службы рядовые получали единовременно 2000 руб., отдельно предполагалось вознаграждение за ранение. В случае смерти семье погибшего выплачивалась компенсация в 20000 руб. Служба в рядах Северного корпуса считалась добровольной³.

Но особого желания вступать в антибольшевистские формирования осенью 1918 г. не наблюдалось: если в первые недели в белые полки записались 1500 чел., из которых 40 % составляли офицеры, то затем число желающих заметно сократилось⁴. Наиболее пассивную позицию по отношению к формируемым частям заняло крестьянство, упорно желавшее остаться в стороне от вооружённого конфликта. Безрезультатной оказалась и агитация, обращённая к местному населению с призывом «испытать счастье и

Васильев Максим Викторович — кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры русской истории ПсковГУ.

свергнуть Советскую власть»⁵: на подобные призывы откликнулись единицы псковских крестьян, наиболее сильно пострадавших от Советской власти. Так, например, 27 октября два крестьянина из Порховского уезда перешли демаркационную линию с винтовками и белыми флагами и ходатайствовали перед белыми отрядами за весь уезд с просьбой освободить его от большевиков. В дальнейшем оба эти крестьянина добровольно вступили в формирующийся Островский полк⁶. Но всё же, несмотря на единичные случаи, значительная часть крестьянства продолжала поддерживать Советскую власть и не доверяла белым, видев в них защитников «старого режима», которые хотят вернуть себе поместья. К тому же многих жителей Псковской губернии настораживал союз белогвардейцев с немецким оккупационным режимом, от которого многие крестьяне сильно пострадали. Один из организаторов Белого движения на Северо-Западе ротмистр П. фон Розенберг отмечал, что крестьянство в большинстве своём тяготело к большевикам, в которых видело «освободителей от германской оккупации, мешавшей им грабить помещиков»⁷, а начальник контрразведки штаба корпуса был вынужден с горечью признать: «...у населения к большевикам нет ненависти, а потому собрать сколько-нибудь значительное число честных граждан в ряды армии невозможно», в сводках по Островскому уезду отмечалось «негативное отношение крестьян к формирующейся Белой армии»⁸. Подобное отношение населения к белым осенью 1918 г. стало одной из главных причин их поспешного отступления. Более того, при отступлении белым добровольцам приходилось с боями пробиваться через лежавшие на их пути деревни. «Весь путь отступления, — писал один из его участников, — был сплошным боем. Крестьяне, распропагандированные и снабжённые оружием, всюду устраивали засады, а артиллерии 15 верст пришлось идти под обстрелом цепи крестьян, преследовавшей отступавших. В одной из деревень были избиты и арестованы 12 офицеров. Отряд Балаховича освободил их и воздал должное крестьянам»⁹.

К весне 1919 г., накануне наступления Белой Северо-Западной армии ситуация на

селе резко изменилась: сказался тяжелейший продовольственный кризис и жёсткая политика большевиков. Теперь псковские крестьяне видели в белой армии освобождение от большевистского гнёта. «В мае, — как отмечал современник, — крестьяне, находясь под властью слухов о скором приходе белых с большим количеством продовольствия, жили надеждами на отмену продразверстки и введение свободы торговли»¹⁰, а в докладной записке члена партии В. М. Бакхиса отмечалось, что «белые имеют успех благодаря предательству крестьян по отношению к красным. Они [крестьяне — *Авт.*] проводят белых в обход по неизвестным тропинкам»¹¹. Позже, анализируя ситуацию, министр земледелия Северо-Западного правительства П. А. Богданов в своей записке отметит: «Политический террор, экономическая политика и специальные репрессии против крестьянства, пассивно сопротивлявшегося большевикам — вот главные причины, заставляющие крестьянскую массу с энтузиазмом встречать белых в Северо-Западной области. Подъём в мае 1919 г. был настолько велик, что он на время заставил крестьянство забыть свой страх перед неизвестной политикой новых хозяев положения, но страх перед ответственностью за революционные выступления, боязнь за землю, что перешла или должна была перейти крестьянству, всплыл на другой день появления белых. И крестьянство настороженно принялось ожидать выступления органов новой власти, чутко ловя каждый слух, каждый факт, говорящий о земельной политике белых»¹².

Быстрое продвижение белых войск вглубь советской территории позволило им захватить значительные территории. С мая 1919 г. Северо-Западная армия контролировала Печору с прилегающими деревнями, большую территорию у станции Струги Белые, восточную часть Порховского уезда до села Подоклинье, где было приостановлено наступление С. Н. Булак-Балаховича. Полностью же белыми войсками контролировался лишь Псковский уезд¹³. Тяжёлое продовольственное и экономическое положение в губернии ставило командование белых в крайне сложную ситуацию. Отступление Красной армии произошло в то время, когда

у крестьян заканчивались запасы хлеба и не хватало посевного материала. А между тем, кроме основного населения и беженцев, появилась новая армия, и продовольственный вопрос чрезвычайно осложнился. Вся занятая полоса оказалась в финансовом и продовольственном тупике. Обеспечить армию и население продуктами питания, а войска конским составом и фуражом при полном хаосе в денежном обращении можно было, либо отобрав всё это у крестьян и тем самым создав взрывоопасную обстановку у себя в тылу, либо получить все необходимое от союзников по Антанте, для чего требовались значительные суммы в валюте, а они отсутствовали.

Общий распорядок жизни на подконтрольных белым территориях нашёл отражение в «Обязательном постановлении населению местностей, занятых народной армией» от 15 мая 1919 г. за подписью командующего войсками генерала А. П. Родзянко, в котором отмечалось, что «...белые войска — друзья народа и пришли освободить своих братьев от бродяг и негодяев, восстановить порядок и дать спокойную и свободную жизнь пострадавшему русскому народу». Согласно этому документу восстанавливались земские учреждения, свобода торговли, допускалось хождение любых денежных знаков, за исключением советских. Все реквизиции и наряды, возлагаемые на население, разрешалось производить только на основании письменных документов с казённой печатью. За укрывательство вводилась смертная казнь через повешение, для гражданского населения — за укрывательство оружия, недоносительство на его владельцев, утайку имущества Красной армии, невыдачу коммунистов и порчу имущества и средств связи Белой армии¹⁴. На основании «Положения о полевом управлении войск», взятого за основу 26 мая 1919 г. приказом № 107, объявлялось о введении военного положения во всех местностях, освобождаемых белыми. Второй параграф этого приказа отменял все советские распоряжения и декреты, все нормативно-законодательные акты, установленные Временным правительством, оставались неизменными до созыва Всероссийского Земского собора. Фактически вся военная и гражданская власть в занятых

уездах сосредотачивалась в руках генерала А. П. Родзянко и его ближайших помощников: начальника тыла генерала О. А. Крузенштерна, начальника военно-гражданского управления полковника А. Д. Хомутова, начальника снабжения армии и населения полковника Рослякова. Сама же занятая Белой армией территория разделилась на две части: первая — Гдовский и Ямбургский уезды, были подконтрольны генералу А. П. Родзянко, южные передавались в управление атамана С. Н. Булак-Балаховичу¹⁵.

В области административного управления подконтрольными территориями Северо-Западное правительство начало с ограничения свободы передвижения. Перемещение частных лиц по местности, занятой корпусом, разрешалось только с распоряжения военных комендантов. 18 июня 1918 г. было издано положение по Военно-гражданскому управлению «Об уездных и волостных комендантах», в соответствии с которым высшая гражданская власть на местах принадлежала комендантам, обладавшим обширными судебными репрессивными правами. Комендант мог налагать штрафы до 10 тыс. руб. или подвергать тюремному заключению до 3 мес. за нарушение государственной безопасности и порядка. Ему поручалось производить аресты и окончательно утверждать приговоры военно-полевых судов. В неотложных случаях ему разрешалось прибегать к чрезвычайным мерам (суть которых в положениях не раскрывалась), а затем докладывать об этом начальнику Военно-гражданского управления, который в двухнедельный срок имел возможность обжаловать действия коменданта¹⁶. Во главе волости стоял волостной комендант, достаточно часто назначаемый из местных крестьян в унтер-офицерских чинах. Он ведал проведением мобилизации в армию и следил за выполнением различных повинностей, контролируя работу волостных правлений и должностных лиц¹⁷. В целом же местные органы белой власти были крайне неэффективны, состояли порой из случайных или малокомпетентных людей, и далеко не всегда справлялись с возложенными на них функциями. Так, ревизия работы волостных комендантов Псковского уезда, осуществлённая в июле 1919 г., показала, что деятельность

канцелярий во многих волостях не налажена или они просто отсутствуют. Сами коменданты справлялись со своими делами плохо, часто злоупотребляли служебным положением, допуская даже произвол. Например, в Палинской волости родственник коменданта ездил по деревням, отбирал продукты от крестьян и отправлял их жене в Изборск. Повсеместно получили распространение самовольные реквизиции скота, домашнего инвентаря, принадлежавшего крестьянам, бессистемные требования исполнения подводных повинностей. Крайне низко оценивал деятельность комендантов и поручик Е. Буре, обратив внимание начальства на то, что многие из лиц военной администрации «совсем не подготовлены к работе в деревне и не могут уяснить себе её нужды». Комендант прифронтовой полосы в своём рапорте от 8 сентября 1919 г. писал, что лица, находящиеся на административных должностях, «представляют из себя людей малоинтеллигентных, без достаточного служебного и житейского опыта». По этой причине волостные коменданты не брали на себя ответственность за решение каких либо серьёзных дел, а приказы, поступавшие из вышестоящих инстанций, трактовали по своему усмотрению¹⁸. В результате этого деятельность местных властей в лице комендантов и других административных лиц в значительной мере подрывала авторитет не только власти, но и самой идеи Белого движения на Северо-Западе России.

Осложнились отношения крестьян и Белой армии из-за нерегламентированной подводной повинности. Т. к. армия не имела своего обоза, то для перевозки военного имущества она пользовалась крестьянскими подводами и лошадьми, а самих крестьян привлекала в качестве возниц. В рапорте заведующего волостными комендантами от 4 августа 1919 г. говорилось, что в Остенской волости крестьяне используются на перевозке грузов на срок до 7 суток, да ещё ежедневно выставляют 250 подвод, что вызывало ропот и недовольство крестьян. Говоря о подводной повинности, необходимо отметить, что первоначально крестьяне выполняли её достаточно охотно и практически добровольно, приветствуя наступающую армию. Но с течением времени «право подводной повинно-

сти», которым следовало пользоваться очень осторожно и разумно, перешло всякие границы. «...Настроение крестьян прифронтовой полосы, — рапортовал один офицер своему начальству в августе 1919 г., — намного благонадёжнее и сочувственнее к Белому правительству, чем крестьян в глубине уезда, благожелательность которых к белым составляет желать многого, да, кстати сказать, вполне обосновано, так как самоуправство наших частей и лиц, следующих по разным казённым надобностям, непомерно велико: случаи краж, неплатежа за продукты, отобрания без всяких расписок хорошей лошади и оставления худой казённой, принуждение подводчиков ехать две или три, а в других случаях и более подводных станций (в виду нежелания обождать вызова дежурной подводы) вселяют обоснованное возмущение». Под видом казённой повинности местные власти гоняли лошадей по частным делам, причём даже не особенно старались скрывать это от подводчика, пользуясь дискреционной властью «вязать и решать»». Мужики очень страдали от подводной повинности, но ещё больше от злоупотребления ею, и всякая явно расточительная эксплуатация лошадей вызывала у крестьян всё нарастающую злобу¹⁹. По поводу подводной повинности, комендант Гдовского уезда, полковник Н. Н. Саламанов вполне справедливо докладывал: «...главные претензии падают на наряды крестьян в подводы. Позволю себе указать на серьёзность и обоснованность последних претензий. В настоящее время, когда крестьяне подканчивают сенокос, убирают хлеб и начинают сеять рожь, — постоянные выезды в наряды, к сожалению, иногда произвольно затягиваемые, — тяжко отзываются на работе крестьян»²⁰.

Наравне с несистемной гужевой повинностью с лета 1919 г. в псковской деревне, как и в других территориях, подконтрольных Белой армии, усилились бесчинства армейских частей. По сообщению с мест, войска производили самочинные реквизиции скота, инвентаря, личных вещей. Одна из причин такого поведения крылась в нерегулярном обеспечении войск продовольствием и в несвоевременной выплате жалования. В рапортах того времени отмечалось: «...отдельными

воинскими частями производились у населения реквизиции лошадей, скота и прочего, при этом выдавались квитанции не имеющие никакого существенного значения. Реквизиции эти, к сожалению, стали принимать вид грабежа...». Подобные действия частей Белой армии не заставили ждать ответной реакции крестьянства, которое всё больше разочаровывалось в Белом движении. В сообщениях ряда офицеров отмечалось: «Когда двигаемся вперёд — крестьяне встречают с распростёртыми объятиями, идем дальше — а в нашем тылу те же крестьяне в отместку режут провода»²¹. К концу лета 1919 г. псковская деревня всё больше настраивалась против белых, а на волостном сходе Прудской волости Псковского уезда крестьяне, например, расходились твёрдо решив «уходить в Ланеву рошу» — место скопления «зеленых»²².

Но не тяготы военного времени, не бессистемные военные реквизиции столь резко повлияли на изменение настроения крестьянства. С подобными издержкам войны крестьяне были знакомы уже давно, и аналогичные повинности существовали и при власти Советов. Более всего крестьянский мир страшила реставрация старого помещичьего режима и конфискация полученных в результате аграрной революции земель. Именно земельный вопрос по-прежнему продолжал оставаться краеугольным камнем в русской деревне, и та политическая сила, которая реально предлагала вариант его разрешения в интересах крестьян, имела все шансы на успех. Член Северо-Западного правительства В. Л. Горн совершенно справедливо писал, что «...монарх для мужика станет постольку лишь приемлем, поскольку твёрдо и решительно, раз и навсегда будет похерен помещику»²³, но пойти на столь решительные и радикальные меры Белое правительство так и не решилось, ограничиваясь полумерами, да и то не в интересах крестьянства.

В области решения аграрного вопроса необходимо отметить два основных приказа командира Северного корпуса по Военно-гражданскому управлению: № 12 от 17 июня и № 13 от 19 июня 1919 г. Эти два приказа, разработанные и подписанные А. П. Родзянко и А. Д. Хомутовым, являлись основными нормативными актами, регламентирующи-

ми имущественные права граждан, в первую очередь на земельные и лесные угодья. Приказом № 12 предписывалось: «всем лицам, захватившим самовольно и незаконно или получившим от большевиков чужое имущество, как то: домашнюю обстановку, утварь белье, библиотеки... сельскохозяйственный инвентарь вменяется в обязанность в течение 10 дней со дня опубликования постановления вернуть таковое имущество собственникам или владельцам». На деле же выполнение данного приказа вызвало абсолютную неразбериху и окончательно запутало имущественные отношения на селе. П. А. Богданов следующим образом оценивал подобное нововведение: «В сельских местностях переход движимости был ещё сложнее. Там он начался сразу после февраля 1917 г., когда по России... прокатилась волна погромов помещичьих имений, в результате которых часть движимости перешла к новым владельцам. В дальнейшем сельскохозяйственный живой и мёртвый инвентарь распоряжением земельных комитетов периода временного правительства, а позже большевистских земельных органов распределялся, перераспределялся и опять распределялся в самых разнообразных и запутанных формах. Эти перетасовки коснулись не только имений, вне зависимости от того, кому они принадлежали, но и отдельных крестьянских хозяйств. Достаточно вспомнить учёт и распределение сельскохозяйственных машин и орудий, в силу которого плуг одного двора поступил во временное пользование другого, часто взамен другого орудия. Корова перекечевывала на другой конец волости и оттуда, в порядке купли-продажи, переходила дальше, наконец, что самое главное, в процесс всяких перераспределений была втянута вся сельская Россия, в частности, все северо-западное крестьянство, и положение это длилось к приходу белых уже два с лишком года. И вот творцы приказа № 12 решили одним росчерком пера, в условиях гражданской войны, восстановить положение вещей, бывшее до революции в срок, которого недостаточно было на то, чтобы довести приказ до всеобщего сведения»²⁴. Приказ № 12 поставил перед населением множество вопросов: «как определить, что по закону является своим, а что чужим», «каковы будут последствия возвращения недвижимости и

товаров», «какие органы будут ведасть возвращением имущества»? Но поскольку за невыполнение данного приказа следовала передача виновных военному суду, крестьяне были вынуждены исполнять его, в результате чего у комендантов появились сотни дел «о возврате самовольно захваченного», при чем истцы зачастую инкриминировали ответчику «сочувствие» или «принадлежность» в коммунистической партии. Тюрмы наполнялись задержанными «впредь до выяснения» причин, которое иногда длилось месяцами²⁵. Чаще всего виновные в присвоении чужого имущества и революционных действиях подвергались телесному наказанию в виде порки, причём приводили в действие приговор собственные односельчане — в отместку за разгул комбедов и прочие обиды²⁶. Если идеологи большевизма сознательно раскалывали крестьянство, разжигая в нем классовую вражду, то Белое правительство опосредованно своими распоряжениями вызывало аналогичную реакцию на селе, главной причиной чему являлась непродуманность законов и поспешность их проведения.

Следующим шагом Военно-гражданского управления стал приказ № 13 «О временном пользовании землею», в соответствии с которым крестьяне, засеявшие и обрабатывающие землю, имели право собрать выращенный ими урожай. Однако далее говорилось, что впредь никакие самовольные захваты не допускаются, а нарушители чужих земельных прав будут предаваться суду. Приказ разрешал батракам и крестьянам пользоваться только той землей, которую они обрабатывали в 1918 г. За участки, полученные в 1919 г. следовало вносить арендную плату прежним владельцам. Усадьбы с постройками и земли, занятые под сады и огороды, возвращались старым хозяевам, а незасеянные площади поступали в распоряжение сельского общества для продажи тем лицам, которые имели возможность их обрабатывать, причём преимущественно эти земли отдавались бывшим землевладельцам. После уборки урожая 1919 г. все надельные земли должны были перейти в собственность бывших владельцев. Особенно сильный удар по крестьянскому хозяйству наносил тот пункт приказа, по которому право на покосы получали прежние владельцы. В конце

приказа указывалось на временный характер предложенных мер, а окончательное разрешение земельного вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания²⁷. Министр земледелия П. А. Богданов в своей записке отмечал: «...пункты 5 и 6 [приказа № 13 — *Авт.*] бросили камень раздора в самую толщу деревни запрещением переделов на будущее время и признанием недействительными уже произведённых переделов... Отмена перевёрстки и перспектива возврата к исходному положению поднимали вновь уже изжитую однажды распрю, заставляли сломать чуть ли не весь, а местами и весь севооборот. Нельзя обойти молчанием и общий дух приказа — ясно выраженную тенденцию возвратить прежние дореволюционные формы земельных отношений, возродив частновладельческое землевладение, загнав мужика в прежние рамки своих наделов... Практика применения приказа № 13 дала не менее плачевные результаты, чем приказа № 12. Наиболее ретивые из господ частных владельцев стали требовать выселения из имений засевавших там бывших батраков и малоземельных крестьян со всем их сельскохозяйственным скарбом и передачи бывших имений по принадлежности. Все без исключения частные владельцы пожелали получить аренду за пахотные, выгонные и покосные земли. Многие стали добиваться аренды не только вперед за 1919–1920 гг., но и за годы революции, когда никаких уплат не производилось. Появился ряд дел, связанных с желанием или нежеланием отдельных хозяев и целых селений удовлетворить такого рода претензии. Не замедлили сказаться и любители лёгкой наживы, — вымогатели и шантажисты, за счёт нежелания мужика судиться у военно-полевой юстиции. Канцелярии комендантов и земельных органов оказались заваленными новыми делами. На деревню посыпались допросы, дознания, аресты с вызовами за десятки вёрст, обиванием порогов, потерей рабочего времени, обвинениями в сочувствии или принадлежности к коммунистам, привоившими иногда обвиняемых к смертной казни»²⁸.

Антикрестьянскую направленность носило и «Положение об управлении лесами», в соответствии с которым все леса, заготовленные материалы и дрова переходили в ведение Лесного отдела при Военно-граж-

данском управлении до разрешения вопроса в Учредительном собрании. Денежными сборами облагалось право на сбор ягод, сухостоя и хвороста. Виновные подвергались штрафу в 3000 руб. или тюремному заключению до трёх месяцев.

Проведение в жизнь указанных приказов резко изменили настроения крестьян по отношению к белым. В беседе с английским журналистом Поллоком П. А. Богданов отметил: «Сельское население Псковской губернии встречало белых с великой радостью, рассматривая их как освободителей от большевиков, молодёжь шла добровольцами в армию. Военная власть вместо привлечения на свою сторону крестьянства пошла по пути восстановления помещика в деревне... Приказом № 13 деревня была отдана на разгромление комендантам..., деревня всё чаще и чаще говорит «белые не лучше красных». Недалеко то время, когда фронт развалится, этот развал неизбежен, ибо деревня отзовёт своих сыновей. Нужна политика широкой демократии, нужно оставить землю у мужика, прекратить произвол военных. Только при таких условиях, если уже не поздно, можно рассчитывать на поддержку движения крестьянами. Без этой поддержки борьба с большевизмом обречена на неудачу»²⁹.

Признав несостоятельность решения земельного вопроса, предложенное генералом Родзянко, Белое Северо-Западное правительство к осени 1919 г. отменило столь непопулярные в крестьянской среде приказы. В целях стабилизации обстановки и успокоения населения 18 октября 1919 г. министерство земледелия приняло приказ № 2, размноженный в громадном числе и распространённый в среде населения. Этим приказом были закреплены все земли за теми лицами, в чьём распоряжении они находились к моменту прихода белых войск. Приказ охранял право фактического владения, но не собственности; гарантировал всякому гражданину, обрабатывающему землю, право на получение в свою пользу урожая с неё, сохранял в деревне те земельные отношения, какие установились в ней до момента освобождения от большевиков. В целях реализации новой аграрной политики белых на местах планировалось создать особые земельные отделы министер-

ства земледелия. Работа земотделов намечалась в двух направлениях: первое — регулировать земельные отношения и оказывать содействие крестьянскому населению в деле землеустройства, второе — работа, направленная на развитие сельского хозяйства, пострадавшего от войны. Было учтено и стремление крестьян северо-западного региона к выделению на единоличные хозяйства. Хутора и отруба были признаны министерством земледелия более совершенной формой землепользования, чем принудительная общинная чересполосица. «...При отсутствии у нас на севере, в деревнях периодических переделов, — отмечалось в отчете о деятельности министерства земледелия Северо-Западной области России, — министерство решило пойти на встречу запросам жизни и деревни и содействовать расселению на хутора тем селениям, кои добровольно изъявили на это согласие, не предвосхищая еще этим окончательного решения вопроса о земле в Будущем Учредительном собрании»³⁰. Одновременно с этим министерство приняло решение оказать помощь «таким крайне желательным формам землепользования», как земледельческие артели, коллективы и коммуны, — в тех случаях, если они окажутся действительно высокоорганизованными культурными хозяйствами. В целях снабжения населения посевным материалом министерство земледелия вступило в отношения с крупнейшими торговыми семенными фирмами Швеции, Дании, Голландии и Франции. Было начато беглое рекогносцировочное обследование животноводства в местностях, освобожденных от большевиков. Населению начали выдаваться ордера на использование лесных угодий для заготовки строевого леса в целях восстановления хозяйств, пострадавших от боевых действий. Но все мероприятия Белого правительства в области аграрного вопроса были уже запоздалыми и неэффективными, драгоценное время было катастрофически упущено. Уже 26 августа 1919 г. белые были вынуждены сдать Псков, а к октябрю вся территория губернии перешла под контроль Советской власти³¹. Крестьянство в своей массе так и не приняло Белой идеи и, столкнувшись с реставрацией аграрных отношений, вновь стало ориентироваться на власть Советов.

Примечания

- ¹ *Гуковский А. И.* Вторжение немцев в страну Советов в 1918 году // Исторические записки. 1942. № 13. С. 30–31.
- ² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 42. Л. 432–432 об.; Д. 93. Л. 348; Д. 10. Л. 69 об.
- ³ Северная добровольческая армия. Ярославль, 1918. С. 4–8.
- ⁴ *Смирнов К. К.* Начало Северо-Западной армии // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 1. Берлин, 1925. С. 115.
- ⁵ ГАПО. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 58. Л. 94; Р-590. Оп. 1. Д. 40.
- ⁶ Моя газета. 1918. 30 октября.
- ⁷ *Авалов П. М.* В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925. С. 66.
- ⁸ Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 гг. СПб., 1995. С. 117; ГАПО. Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 58. Л. 105; *Михайлов А. А.* Красное и белое. История начала Красной армии и Гражданской войны // Псковская губерния. 2009. № 7; *Васильев М. В.* Партизанский отряд полковника М. А. Афанасьева. 1918–1919 гг. // ФЭН-НАУКА: Периодический журнал научных трудов. 2012. № 2. С. 29–30.
- ⁹ Цит. по: *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. СПб. 1999. С. 45.
- ¹⁰ *Ладанов М.* В плену у изменников // Красная летопись. 1929. № 5. С. 101–103.
- ¹¹ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–17.
- ¹² *Горн В. Л.* Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 22.
- ¹³ *Васильев М. В.* Порховский уезд в годы революции и Гражданской войны (1917–1919 гг.). Псков, 2010. С. 83.
- ¹⁴ *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 173; *Корнатовский Н. А.* Первое наступление белогвардейцев на Петроград (Гражданская война на Северо-Западе России в 1919 г.) // Красная летопись. 1928. № 2. С. 105.
- ¹⁵ Северо-Западная армия // Белая Россия // [Электронный ресурс]: URL: www.whiterussia1.narod.ru/CITIZI/SEVZAPA.htm (дата обращения: 24.02.2013 г.)
- ¹⁶ *Горн В. Л.* Гражданская война на Северо-Западе России. С. 368–369.
- ¹⁷ ГАПО. Ф. Р-626. Оп. 3. Д. 135. Л. 2.
- ¹⁸ *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 179–180.
- ¹⁹ *Горн В. Л.* Гражданская война на Северо-Западе России. С. 74; Юденич и белые власти на местах // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.emyn.ru/13.shtml> (дата обращения: 08.05.2012 г.); *Зибницкий Э.* Скобарский батька с польским акцентом // Аргументы и факты. 2005. № 48.
- ²⁰ Цит. по: *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 189.
- ²¹ Там же. С. 191.
- ²² Юденич и белые власти на местах // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.emyn.ru/13.shtml> (дата обращения: 08.05.2012 г.).
- ²³ *Зимица В.* Гражданская война 1918–1920 гг. как политологический конфликт в развитии российской государственности // [Электронный ресурс]: URL: www.Antibr.ru/textbook/ (дата обращения: 12.04.2009 г.).
- ²⁴ Цит. по: Юденич и белые власти на местах // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.emyn.ru/13.shtml> (дата обращения: 08.05.2012 г.).
- ²⁵ *Горн В. Л.* Гражданская война на Северо-Западе России. С. 67–70.
- ²⁶ ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 26. Л. 51 об.
- ²⁷ *Горн В. Л.* Гражданская война на Северо-Западе России. С. 371; *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 187.
- ²⁸ Там же. С. 22–24.
- ²⁹ Там же. С. 91.
- ³⁰ Отчёт о деятельности министерства земледелия Северо-Западной области России // Белая гвардия. Альманах. Белое движение на Северо-Западе России. 2003. № 7. С. 137.
- ³¹ *Ярославцев М. В.* Последние дни Северо-Западной армии // Белая гвардия. Альманах. Белое движение на Северо-Западе России. № 7. 2003. С. 181–183; *Волков С. В.* Предисловие к книге. Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 7.

**Генерал Булак-Балахович, начальник штаба полковник Стоякин
и адъютант в Пскове. Июнь 1919 г.**

**Генерал Булак-Балахович, начальник штаба полковник Стоякин
и адъютант в Пскове. Июнь 1919 г.**

**Генерал Булак-Балахович, начальник штаба полковник Стоякин
и адъютант в Пскове. Июнь 1919 г.**